

Джейк Джонс

Вы меня слышите?

**Встречи с жизнью и смертью
фельдшера скорой помощи**

ОГИЗ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА**

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44
Д42

All rights reserved
First published in Great Britain in 2020 by Quercus

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

Jake Jones
CAN YOU HEAR ME?
A PARAMEDIC'S ENCOUNTERS WITH LIFE AND DEATH

Перевод с английского
Марии Зубовой и Анны Лобановой

Джонс, Джейк.
Д42 Вы меня слышите? Встречи с жизнью и смертью фельдшера скорой помощи / пер. с англ. яз. М. В. Зубовой, А. В. Лобановой. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 320 с. — (Спасая жизнь. Истории от первого лица).

ISBN 978-5-17-120908-7 (рус.)

ISBN 978-1-52940-424-1 (англ.)

У молодого человека останавливается дыхание в туалете супермаркета. Пешеход с серьезной травмой головы не подпускает к себе бригаду скорой на загруженной дороге. Новорожденный внушает тревогу, потому что ведет себя слишком тихо. Наркоманка, которой не дали дозу, мочится на пол в машине скорой помощи. Все это — будни фельдшера.

Джейк Джонс более десяти лет работает в британской службе скорой помощи. Каждый день он становится свидетелем десятка сцен, которые мы никогда бы не хотели увидеть. «Вы меня слышите?» — первая фраза по прибытии на место происшествия. Это истории о хаосе, сильных переживаниях и редких моментах красоты жизни на переднем крае медицины.

**УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44**

ISBN 978-5-17-120908-7 (рус.)
ISBN 978-1-52940-424-1 (англ.)

© Jake Jones 2020
© М. В. Зубова, перевод, 2020
© А. В. Лобанова, перевод, 2020
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2021

Памяти моего папы

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	6
Пожилая затворница серьезно больна, но отказывается от помощи	8
Рассерженный молодой человек дерется с полицейской машиной до потери сознания	17
Новорожденный слишком тихо себя ведет	27
В доме плачущего человека вышибают дверь	40
Рабочий срывается в яму глубокой ночью	51
Отец спасает парня от попытки суицида	63
Исхудавшего до скелета мужчину вынимают из его собственных испражнений	73
Обиженная женщина украшает пол скорой	82
Водитель с остановившимся пульсом — самый везучий человек на свете	93
Собиратель хлама отказывается передвинуть стопку барахла	104
Судьба школьницы с астмой решается благодаря близости скорой помощи	114
Молодому алкоголику внезапно становится хуже ...	126

Женщина с температурой сомневается в эффективности парацетамола	137
Задыхающаяся женщина делает последний вдох. . .	147
Кокетка ведет опасную игру.	162
Агрессивный пешеход посреди толпы — загадка для врачей	175
Спортивная травма вводит систему в заблуждение	187
Мужчину без признаков жизни извлекают из туалета в супермаркете и реанимируют	197
Пациент ежедневно выводит из себя по нескольку бригад скорой помощи регулярными звонками.	207
Перестрелка на улице — пугающе обыденное дело.	219
Возбужденная зевака оказывается экспертом по героиновым передозировкам.	230
Одинокий пациент с саморазрушительным поведением отказывается от помощи	240
Посеревший футболист теряет сознание в парке.	251
Раскинувшиеся руки и ноги как задача по логистике.	260
Команда скорой помогает пациентке, а та в ответ нападает на них	270
Звонок, который никто не хочет услышать	287
Уязвимый мужчина пропадает без вести в городе.	298
Эпилог	315
Примечания автора	317
Благодарности	319

ПРОЛОГ

Машина скорой помощи уже проехала полпути до больницы, и тут Сэмюэль поднимает ногу и высовывает ботинок в окно.

Дело происходит вечером, погода сырая, улицы сочатся раздражением, наш шофер петляет сквозь плотный трафик и включила сирену на полную мощность. Но для этого района мигалки и сирены — не новость, и никто не задерживает на нас внимания. Разве что кто-то замечает эту ногу.

В салоне с Сэмюэлем находятся два медика и полицейский. Мы ничего не можем поделать с торчащей конечностью, потому что мы изо всех сил стараемся не дать Сэмюэлю упасть с койки. Он напрягает мышцы, извивается, хватается за все вокруг и стонет. Он — как рыба, вытщенная из воды, как дергающийся кабель под током.

«Все хорошо, приятель. Тебе ничего не грозит».

Мы вот-вот восстановим работу его сердца. Когда мы тронулись, он был спокоен, его охватило нечто вроде ступора. Но сейчас мозг проснулся и столкнулся с ощущением, что его в чем-то обманули, и теперь пациент брыка-

Пролог

ется, вертится, утыкается лицом в пол. И пытается выбраться из машины по частям, по одной конечности.

Ступня еле пролезает в окно, практически бойницу, мелькающую над койкой. Попасть в него ногой — большое достижение даже для мужчины в расцвете сил.

И уж тем более для Сэмюэля, который пятнадцать минут назад был мертв.

ПОЖИЛАЯ ЗАТВОРНИЦА СЕРЬЕЗНО БОЛЬНА, НО ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ ПОМОЩИ

Стоит только открыть дверь — он тут как тут. Кислый, сладковатый, затхлый, он струится во внешний мир по коридору. Обжигает ноздри и оседает на задней стенке гортани, как порошок.

Стараемся дышать неглубоко.

ЖЕНЩИНА, 74 ГОДА, УПАЛА БЕЗ СОЗНАНИЯ

Больной всегда без сознания. Это прописная истина для телефонных звонков в скорую. Даже если пациент позвонил сам, он всегда без сознания.

Мы приближаемся к квартире. В дверном проеме кружатся мухи. Вонь сгущается, разворачивается, охватывает нас. Она состоит из разных слоев, у нее есть текстура. Она осязаема, она присутствует в помещении, как силовое поле. Действует, как химическое оружие.

На заднем плане — застарелый запах сигаретного дыма. Въевшийся в стены за многие годы желтушный туман сочится наружу, как будто у дома эмфизема. За ним пробивается влажный дух застоявшегося пота, прогорклого, как масло,

Пожилая затворница серьезно больна,
но отказывается от помощи

месяцами копившегося в вялых складках невымытого тела до раздражения кожи. Затем нас, словно злая усмешка, встречает вонь прокисшей мочи, напоминающая бражку, сахаристая и кислая, как уксус. И наконец, самый острый из них, тошнотворный результат несварения желудка, едкий, гнилостный дух, почти что осязаемый на вкус: диарея.

Отключиться от этих запахов невозможно.

— Заходите, ребята. Спасибо, что приехали.

В дальнем конце коридора показывается лысая голова. Еще кто-то не спит в эту рань.

— Это моя соседка снизу. Ей плохо.

Мы заходим в квартиру. Ковры вытерты и сбились в складки, под ними виден бетон. Пол замусорен смятыми письмами из домоуправления, рекламой доставки пиццы, обертками от продуктов и салфетками. Желтые обои отклеиваются по швам, а на стыках стен и потолка плотная сетка паутины, нагруженная пыльными комьями пыли. Пожарная сигнализация пищит: «Би-и-ип! Замените батарейку!» Каждые сорок секунд: «Би-и-ип!»

— Как ее зовут?

— Маргарет. Пегги.

Комната освещена единственной голой лампочкой без абажура, но ее перебивает более яркий свет огромного телевизора. Он царит посреди комнаты, как монарх при дворе, и из него разноцветным водопадом льются сцены жизни, какая могла бы быть и у Пегги, если бы все обернулось иначе. Звук приглушен до непрекращающегося монотонного бормотания.

Рваные занавески висят под подоконником: карниз оборвался, не в силах больше выдерживать их вес. Стены совершенно лишены декора: ни черно-белого свадебного фото, ни снимка внуков в школьной форме. Ковер в этой комнате не виден, а осязаем: когда мы входим в дверь, подошва пристает к нему, как вьетнамки к мокрому песку.

Джейк Джонс
Вы меня слышите?

У Пегги не так много мебели. На небольшом журнальном столике в коричневых кругах от кофейных кружек стоит стеклянная пепельница, переполненная окурками, крошками табака и заплесневелыми остатками мандаринов и других фруктов. В кружках опивки, покрывшиеся коркой, на полу валяются остатки пищи: стаканчики из-под йогурта с колониями синей плесени, жирные обертки, кишашие мухами и опарышами.

Диван разваливается и пытается сложиться, из протертой обивки торчит поролон, изначальный цвет уже не разобрать. Вокруг этого одра на расстоянии вытянутой руки стоят пять или шесть ванночек из-под мороженого, при виде которых становится ясно, откуда исходит неотвязная вонь: по-видимому, каждая из них наполнена мочой.

Посреди дивана сидит Пегги. Руки и ноги вяло торчат в стороны, но глаза упрямо смотрят перед собой.

— Доброе утро, Пегги. Кажется, вам нужна помощь.

Любая профессия окутана некой мифологией. Вокруг нашей профессии есть некий ореол приключений, но не позволяйте ему ослепить вас. Не всегда разноцветные мигающие огоньки означают, что рядом дискотека.

Возможно, «скорая помощь» звучит захватывающе. Пугает и завораживает одновременно. Гонки по пробкам, непредсказуемость, несчастные случаи в общественных местах, кровь. Неуловимый привкус опасности и увлекательных приключений.

Это видно, когда люди спрашивают, чем я занимаюсь. Отвечаешь: «Я — фельдшер¹», и они приподнимают брови и чуть-чуть наклоняют голову вправо:

¹ Фельдшер — специалист со средним специальным медицинским образованием, который имеет право проводить диагностику и устанавливать диагноз, проводить самостоятельное лечение или

Пожилая затворница серьезно больна,
но отказывается от помощи

— Ух ты!

И вот уже ты на несколько секунд, совсем ненадолго, стал немного интереснее.

— Никогда бы не смог этим заниматься...

Не думаю, что все представляют себе постоянный прилив адреналина. Но всех занимают сюжеты о беде и спасении, тем более сюжеты из жизни, приправленные узнаваемыми подробностями.

Легко угадать, каким будет следующий вопрос. Тяжелые события в жизни людей, с которыми никогда не придется столкнуться, вызывают у всех прилив интереса в смеси с чувством вины. Поэтому, конечно, все спрашивают:

— А какой самый страшный случай в твоей практике?

Задавая этот вопрос, люди хотят услышать ужасик по сходной цене. Они хотят услышать про мужчину, который отрезал себе ладонь механической пилой, или про девочку, у которой торчит из глаза ручка. Чем страшней, тем лучше. Идеально, если в рассказе фигурирует огромная лужа крови. Люди с удовольствием слушают истории об оторванных конечностях и бурно ахают, услышав о выпадающих внутренних органах.

Чего они точно не хотят, так это рассказа, как тридцатичетырехлетняя пациентка со второго этажа с заболеванием двигательного нейрона, лежа на кровати для лежачих больных, вместе с мужем разыгрывает сценки, чтобы отвлечь двоих детей. Или как пожилая дама пытается побить мужа тростью, потому что теперь ей кажется, что в дом проник грабитель, а он удерживает ее за запястья и утирает слезы о плечо, об рукав идеально выглаженной рубашки. Это неправильные «страшные вещи». Все это слишком близко, слишком грустно, слишком жизненно. Драки со

направлять пациента к врачу-специалисту. В странах с англо-американской моделью экстренной помощи используется термин парамедик (Здесь и далее — *Прим. ред.*).

Джейк Джонс
Вы меня слышите?

стрельбой случаются где-то там: на экране, в новостях, в трущобах. Но деменция может поразить вашу маму.

И решительно никто не хочет услышать, как нам пришлось извлекать женщину из ее собственных экскрементов.

Пегги похожа на злую ведьму из сборника сказок, выпущенного двадцать лет тому назад. Ее волосы — как старый пеньковый канат, отдельные пряди желтые, как куркума. Лицо — цвета засохшей на солнце овсянки. Кожа свешивается тяжелыми крупными складками, из них упрямо выглядывают бусинки глаз.

— Мне не нужна ваша помощь.

— Почему, Пегги?

— Мне не нужна ваша помощь.

Она бормочет эти слова, как будто передает послание, затверженное наизусть. Только непонятно, от кого оно и кому адресовано. Если она и была когда-то злой ведьмой, то все ее коварные планы давно пошли прахом. Хотя она по-прежнему способна напугать ребенка, заблудившегося в лесу и забредшего к ней в хижину.

— По-моему, у вас нет выбора, Пегги. Мы не можем вас так оставить. Почему нам нельзя вам помочь?

Она пытается защитить себя: протягивает руку к своему другу — пульту от телевизора — и делает звук громче. Затем роняет руку на колени. Под ее ногтями, напоминающими птичьи когти, черные каемки.

Мы поворачиваемся к соседу.

— Что произошло?

— Я шел на работу. Я тоже работаю посменно, как и вы. Услышал, что она кого-то зовет. Дверь была открыта. Я не знал, что увижу в квартире. И обнаружил Пегги.

— Как долго она могла пробыть в таком состоянии? То есть... Кто-нибудь ее навещал?

Пожилая затворница серьезно больна,
но отказывается от помощи

— Я с ней виделся только один раз. Два месяца назад. У подъезда. Она тогда была не такая, она ходила. Никогда не был у нее дома.

Ясно одно: Пегги в западне. Вероятно, процесс начался, когда она от усталости или слабости — может быть, заболела, может быть, махнула на себя рукой — прекратила выполнять функции, необходимые для нормальной жизнедеятельности. В попытках облегчить себе жизнь она сузила мир до пределов досягаемости: что входит в организм, что из него выходит и чем отвлечь мозг. Но теперь запас мандаринов и йогурта закончился, контейнеры с мочой переполнены, и она тонет в протекающей наружу смеси собственных отходов.

— Вы можете подняться с кресла, Пегги? Можете встать и дойти до ванной?

— Могу.

— Покажите нам, пожалуйста.

— Нет.

— Почему?

— Я смотрю телевизор.

— Что вы смотрите, Пегги?

Не отвечает.

— Что вы будете есть?

Не отвечает.

— Какой сегодня день недели, Пегги? Какой сегодня день?

Не отвечает.

— У вас есть семья, Пегги?

Не отвечает.

— Может, кто-то из друзей живет неподалеку?

Не отвечает.

— Соцработники не приходят? Пегги, к вам ходит соцработник?

Не отвечает.

Би-и-ип!

Это пожарная сигнализация.

Джейк Джонс
Вы меня слышите?

— Пегги?

— Оставьте меня в покое.

— Как вы думаете, что случится, если мы вас тут оставим?

Вся жизнь Пегги свелась к сегодняшнему моменту. Сейчас у нее нет ничего, кроме сбоящего организма и дрянных обстоятельств. Она — животное, без прошлого, без родной среды, без личности. Беззащитная и зависимая.

Если она останется на месте, то практически наверняка умрет. Вот как это происходит. Не сразу: поначалу она будет деградировать постепенно. Ее дыхание не затруднено, сердце не собирается отказывать. Но ноги перестали выполнять главную функцию и не могут унести ее из опасной ситуации. У нее разовьется какая-нибудь инфекция, и деградация ускорится. Проще говоря, она попала в яму и не в состоянии вылезти. Ей нужно помочь.

Никто больше не придет. Это ее шанс. Она закричала в пустоту, и спасители пришли. Странная пара, но эти двое хотят и могут помочь. У нее появилась возможность попасть в безопасное место, где ее приведут в порядок и помогут начать жизнь заново. Но, как ни удивительно, она хочет отослать их прочь.

Почему люди отказываются от помощи, когда столь очевидно в ней нуждаются? Какая злодейская мутация психики так извращает наше мышление? Вечный парадокс моей профессии состоит в том, что пациенты, которым сильнее всего нужна помощь, отказываются от нее, в то время как абсолютно здоровым людям не терпится попасть в приемный покой больницы.

Я уверен, что тут есть доля гордыни: часто люди слишком упрямы, чтобы принять чью-то помощь. Кроме того, многие из нас страшно боятся доставить другим неудобство или тем более стать обузой. Может быть, Пегги не

Пожилая затворница серьезно больна,
но отказывается от помощи

осознает, как серьезно ее положение. А может быть, не хочет осознавать: отрицание тоже очень сильно этому препятствует.

Если Пегги настроена столь стоически, то отсюда всего шаг до стыда перед болезнью и до ощущения унижения от признания своего зависимого положения. Получается, мозг Пегги, как и ее тело, тоже попал в западню?

Когда описываешь ситуацию черным по белому и оцениваешь ее хладнокровно, кажется немыслимым и почти оскорбительным, что всего лишь краткий момент стыда перед физической беспомощностью может заставить человека пренебречь собственной безопасностью, даже, может быть, жизнью. Но представьте себе: вас тащат в больницу, вы слабы и беззащитны, покрыты собственными нечистотами и счастливы были бы позаботиться о себе сами, но сил у вас нет даже на самые базовые функции. Мало что в мире хуже, чем оказаться в плену своего личного бардака; но наверняка куда более неприятно, если этот бардак увидят окружающие. Даже если мы больны или сломлены, даже когда мы совершенно не справляемся с ситуацией, мы не просто животные с разладившимся организмом, вырванные из родной среды.

Пульт управления выглядит как источник заразы, хотя мы в перчатках. Я беру его и нажимаю на красную кнопку. Калейдоскоп на плоском экране исчезает. Тишина. «Би-и-ип!» Я сажусь на корточки перед диваном.

— Вот что сейчас будет, Пегги. Мы встанем по разные стороны от вас и поможем вам встать. Мы посадим вас в инвалидное кресло, завернем в это одеяло и отвезем в машину скорой помощи. Сейчас раннее утро. Вокруг никого нет. Вас никто не увидит. Мы быстренько отвезем вас в больницу. Там будет немного народа, и мы сразу